

Виндера

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

Диана Ибрагимова

Виндера

Однажды будет ветер

N SUGAR
BOOKS

Москва
2023

*Посвящается детям,
которые ищут свой путь,
и взрослым, которые его потеряли*

ПРОЛОГ

Вот уже два века дома делились на мертвые, спящие и живые. И все они были опасны. Мертвые грозили рухнуть и похоронить Аделину под обломками, спящие могли проснуться и стать живыми, а живые не раз пытались ее убить.

Странница давно находила нужные дома с первого взгляда. Еще издали она угадывала мертвые, где не было ни одной духовной искры. Ни в кирпичах, которые крошились, как сухари на терке, ни в дырявом полу, ни в кровле, что лежала на стропилах, точно сбитая птица, медленно теряя перья, — обломки глиняных или цементных пластинок.

В развалинах никто не жил, не считая пауков и гадов, мышей да голубиных стай. Мертвые дома были пусты, когда принц Аскар запустил Ветродуя и запечатал всех людей в их жилищах. Без хозяев

они рушились и плохо спасали от непогоды, но все же Аделина много раз предпочитала делить кров с дождем и снегом, потому что мертвые дома казались ей самыми безопасными.

Вторые на очереди — колыбели сновидцев — были тихими, пыльными и темными. Их окна изнутри закрывали шторы, а снаружи — занавеси плюща. Такие дома походили на склепы, окруженные баррикадами глухих садов, стенами крапивы и путами дикого винограда. Хозяева спящих находились внутри, но проводили заточение во сне, надеясь проснуться уже людьми. Энергия их душ питала стены и колонны, словно кровь — человеческое тело, поэтому такие дома погибали медленней. Странница редко в них ночевала, а если и ночевала, то старалась ничего не трогать и ложилась спать прямо на голый пол, избегая даже ковров. Здесь не стоило тревожить вещи, потому что любая могла быть сосудом души. Прикоснись к ней — и разбудишь хозяина. Однажды в молодости Аделина забрела в такой дом и решила затопить камин, чтобы согреться. Кто же знал, что там сидит вздорная старуха, которой вечно холодно! Она проснулась, полная негодования, вселилась в пламя и обожгла протянутые к нему руки Странницы. Шрамы остались до сих пор.

Но даже это было безобиднее коварства живых домов. Их Аделина легко узнавала по дыму из труб, по крепким заборам и ухоженным садам. По тряпицам, что сами собой сновали по окнам, стирая с них дождевые разводы. По перчаткам, которые деловито доили забредшую во двор корову, а потом выливали молоко в миску кота, чтобы он почаще приходил гонять в сарае мышей.

Хозяева живых домов были сильны духом. Заточенные в четырех стенах, они не пустили все на самотек и как могли старались поддерживать свои каменные тела: заботились о них, чинили, охраняли от диких зверей и вели, насколько это было возможно, обычную мирскую жизнь. Таких домов осталось совсем немного. Одни привечали Странницу как дорогую гостью, а другие были смертельными ловушками, и не угадаешь заранее, кто есть кто.

Аделина избегала заходить в живые дома, если того не требовала работа, но все-таки нашла среди них верных друзей. Этим утром она торопилась к старине Грегору, в деревеньку под названием Вишневый лог. Натруженные ноги давно гудели и просили пощады, но останавливаться было нельзя. Стоит только присесть на минутку и снова встать, как стопы вспыхнут нестерпимой болью,

все натертые места заноят одновременно, а колени перестанут разгибаться. Пока расходишься, уйма времени пройдет.

— Ничего-ничего, — задыхаясь, говорила себе Аделина. — Я ужасно крепкая старушка. Я еще даже взбираюсь на холм без палок! Всего один бугорок, и я на месте. А если отдохну и опять наберусь сил, то ни за что не смогу с этим покончить и так и буду ходить по миру, пока не замрет мое сердце. Но даже тогда, я уверена, мои ноги пройдут еще добрую сотню шагов сами по себе.

Наверху она застыла на секунду, наметанным глазом высматривая в округе признаки ветра. Он больше не был ей нужен, но привычка осталась.

Долину внизу обнесло туманом, как это часто бывает в ту пору, когда лето плавно перетекает в осень. Деревню будто накрыло лебединое крыло, но Аделина сразу увидела домик вдовца Грегора. Его выдавала чудесная персиковая крыша, будто кусочек рассветного неба выглянул из облаков. Даже спустя столько лет черепица не выцвела и не потеряла блеска, потому что ее сделали кудесники, способные придавать вещам долговечность и другие удобные свойства. Такие изделия стоили дорого, и в свое время Грегор смог позволить себе только одну эту крышу, посчитав ее самой важной частью

дома после фундамента. И он не ошибся — оранжевая черепица служила ему верой и правдой еще со времен молодости Грегора, истекшей задолго до запуска Ветродуя. Благодаря крепкой кровле дом был защищен от плесени и гнили и сохранился не хуже богатых особняков. Разве что местами виднелись щели в деревянных рамах, заботливо забитые сухой травой и замазанные глиной, да облупленная краска, которую хозяин не обновлял с тех пор, как Аделина принесла ему последнее ведро два года назад.

— Здравствуй, Грегор! Здравствуй, мой дорогой!

Страница погладила старенькую калитку. Она выглядела куда хуже самого дома. Верхняя петля проржавела и почти рассыпалась трухой, а нижняя держалась на добром слове. Металлической сетки на заборе не было и в помине: дождь с травой давно загнали ее остатки под землю. Аделина могла бы войти прямо через сад, но это было как-то невежливо.

От ее прикосновения калитка сама собой качнулась вовнутрь, да так сильно и резко, что окончательно слетела с петель и упала плашмя на терновый куст. Ягоды посыпались на дорожку сизым градом. Сам терн спружинил под дубовым

полотном, но вроде бы не сломался. Невидимый Грегор тут же поднял калитку и попробовал приладить ее обратно, да только прилаживать было не на что.

— Вот беда! — всплеснула руками Странница. — А я как раз принесла тебе смазку для петель... Похоже, теперь придется заменять тебе их скрип своим голосом. Только послушай, как я говорю!

В последний раз Аделина пила вчера днем, и с тех пор у нее во рту совсем пересохло. Можно было сделать крюк по пути сюда, чтобы набрать воды, но она не стала, потому что приняла важное решение и боялась передумать. Странница шла к дому Грегора всю ночь, пока могла видеть в свете луны торговый тракт, и вот наконец впереди знакомая дорожка и кусты шиповника с еще незрелыми, но уже красными ягодами; дощатое крыльцо, где на ступенях свернулись похожие на бабочек-голубянок лепестки старой краски; натертая уксусом до обманно-золотого блеска медная ручка, веер чистых стекол в полукруге окошка над ней.

Из открытой двери повеяло теплом, слабым запахом дыма и мыла. Аделина вошла в прихожую, где умещались только вешалка и тумба для обуви, и стала раздеваться. Не успела она расстегнуть куртку-непромокашку, как мужское пальто из до-

бротного твида слетело с крючка и помогло ее снять. Тут же из глубины дома притопали одна за другой мягкие тапки, и Аделина с наслаждением погрузила в них ноги. Но куда большей негой оказался таз горячей воды, который поджидал ее перед креслом у камина, где уютно потрескивал огонь.

— В самом деле, Грегор! — изумилась Аделина, зайдя в гостиную. — Как ты опять подгадал мой приход? Сомневаюсь, что ты топишь регулярно. Еще не так холодно, чтобы беспокоиться за трубы, да и у тебя вряд ли неиссякаемый запас дров. Разве что старые ветки, которые ты спилил по весне, когда делал обрезку сада. Неужели тебе видно отсюда, как я спускаюсь с холма? Или это Проводник тебя предупредил?

Она не ждала ответа, по крайней мере, прямо сейчас. Грегор все-таки был дома и, хотя мог в его пределах довольно многое — например, вселяться в любую вещь и использовать ее — к сожалению, не обладал голосом. Так что он молча подоткнул под поясницу гостьи мягкую подушку и подкатил к ней круглый столик на колесах с фарфоровым кофейником, чашкой на блюдечке и связкой каменно-жестких сушек со сроком годности лучше-не-спрашивать.

В этом доме давно не было обычной заварки, поэтому чай оказался с малиной, судя по цвету и вкусу, и с листьями смородины, судя по запаху.

— О-о-о, — протянула Аделина, сделав глоток и закрыв глаза от удовольствия. — Я мечтала об этом целых два года, мой дорогой. У тебя самый вкусный чай из всех, что я пила! Благодаря тебе я почти не тоскую по кофе... Хотя, судя по твоей коллекции кофейников, ты бы многое за него отдал. Ей-богу, я гостила у тебя столько раз, но не увидела на кухне ни одного заварочного чайника, зато кофейников сколько угодно. Ты, наверное, был знатный кофеман...

С правой стороны к Аделине подлетел табурет, на него опустилась печатная машинка с глянцевым синим корпусом. Грегор заправил в нее лист пожелтевшей бумаги и ответил:

«Но я всегда думал, что это чайники!»

Странница расхохоталась, да так сильно, что чуть не расплескала на себя чай, а на пол — горячую воду, в которой грела ноги.

— Ну ты даешь! — воскликнула она, утерев слезы с морщинок вокруг глаз. — Ты всегда такой честный! Это я люблю в тебе больше всего после твоей доброты. Слишком много я повидала людей, готовых завернуть гостя в целый кокон вранья,

лишь бы не оконфузиться перед ним. А ты, значит, думал, что это чайники...

«Я не люблю кофе, — честно признался Грегор, — но для тебя варил бы его с удовольствием каждый день. Надо только найти где-нибудь зерен и смолоть...»

— Увы-увы, — меланхолично улыбнулась Аделина. — Теперь нам не видать зерен до тех пор, пока мы не запустим Ветродуй и не возобновим торговлю с южными островами. Если честно, я уже не помню вкус кофе. Когда я очнулась полвека назад, весь кофе в Хайзе был давно уже выпит предыдущими Странниками или испортился. Даже тот, что хранили в кудесничьих банках... И какао давно пропало, так что это грустный мир без горячего шоколада со сливками. Я стала капризной в старости, не правда ли?

«Ты выглядишь расстроенной, — заметил Грегор. — И не торопиться с новостями. Должно быть, хороших нет?»

Аделина вздохнула, разглядывая его портрет на каминной полке. Когда она впервые попала сюда, ей было только семнадцать, и Грегор казался ей стариком, а сейчас у нее на голове седины было куда больше, чем у него. И чувств к нему тоже было намного больше, поэтому так не хотелось его разочаровывать.